

ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

УДК 37.013.73

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-68-89

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Д. А. Смоляков

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь;
Линнаньский педагогический университет, Чжаньцзян, КНР.*

E-mail: d.smalia kou@live.com

Аннотация. Введение. Упрочение разносторонних связей с Китайской Народной Республикой – в настоящее время одно из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации. Новые возможности для активного конструктивного взаимодействия между странами, по мнению автора статьи, открывает мегапроект «Один пояс, один путь» («ОПОП»), инициированный Китаем с целью объединения усилий государств для стабильного развития экономики на евразийском пространстве и мирного сосуществования народов на основе принципов открытости, инклюзивности разных цивилизаций, толерантности, безопасности, обоюдной выгоды и обучения.

Цель публикации – обсуждение состояния и перспектив российско-китайского сотрудничества в гуманитарной области и поиск его новых форматов.

Методология и методы. Исследование выполнялось с опорой на общепсихологические и общенаучные методы: сравнительный, структурно-функциональный и системный виды анализа, синтез, обобщение и прогнозирование.

Результаты и научная новизна. Рассмотрена специфика российско-китайских контактов последнего времени. Особое внимание уделено коммуникациям в сфере образования – надежным и проверенным каналам установления и консолидации межнациональных экономических связей. Образовательная составляющая гуманитарного взаимодействия способна предоставить действенный инструмент для налаживания и поддержки международного диалога и располагает обширным спектром возможностей для гармонизации культурных, социальных и даже политических стандартов.

Подчеркивается, что дальнейшему наращиванию темпов продуктивного двустороннего взаимодействия КНР и РФ мешает его сложившаяся модель, которая строится и функционирует преимущественно на уровне государ-

ственных органов. Несмотря на то, что отношения между двумя странами находятся на подъеме, потенциал существующей модели почти исчерпан – представляется целесообразным поиск иных драйверов совместной деятельности. Для укрепления партнерства важную роль может сыграть переход к многостороннему сотрудничеству с другими государствами и солидарному участию России и Китая в процессе устранения социального и экономического дисбаланса в зоне их общих интересов – на территории возрождаемого Шелкового пути. Расположенные вдоль его южного транзитного коридора третьи страны, в отличие от государств северного направления, характеризуются рядом социально-экономических проблем, которые способствует распространению религиозного экстремизма и обострению межнациональных конфликтов. Чтобы нормализовать социально-экономическую ситуацию в данных регионах, нивелировать социокультурные барьеры и добиться сопряжения экономик различных государств ради их устойчивого роста и повышения эффективности, в качестве механизма запуска трансконтинентальных инфраструктурных проектов предлагается задействовать гуманитарную сферу. Скоординированные действия Китая, России и стран ЕС по продвижению современных моделей образования могут стать решающим фактором стабилизации в проблемных регионах путем реализации инициативы «Один пояс, один путь». С точки зрения автора публикации, государствам-партнерам следует в первую очередь сосредоточиться на мероприятиях по модернизации национальных систем образования и распространению научного мировоззрения, донором которого способны выступить регионы Северного шелкового пути. В противном случае Юг останется очагом регулярно вспыхивающих военных конфликтов и поставщиком террористов, в то время как российские и китайские компании продолжают тратить немалые кадровые и финансовые ресурсы на безопасность осуществляемых совместных проектов.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть полезны для переосмысления задач российско-китайского альянса в гуманитарной сфере и формирования новых идей по разработке и способам реализации международных образовательных программ.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, инициатива «Один пояс, один путь», гуманитарное сотрудничество, образование.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках реализации 5-летнего плана исследований Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры, созданного Институтом философии Национальной академии Беларуси и Линнаньским педагогическим университетом (КНР). Автор выражает особую благодарность рецензентам журнала «Образование и наука» за высокое качество работы и ценные замечания, позволившие значительно улучшить текст статьи.

Для цитирования: Смоляков Д. А. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 68–87. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-68-89

THE PROSPECTS OF THE RUSSIAN-CHINESE HUMANITARIAN COOPERATION IN FRAMEWORK OF “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE IMPLEMENTATION

D. A. Smaliakou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; Lingnan Normal University, Zhanjiang, China.

E-mail: d.smaliakou@live.com

Abstract. *Introduction.* Nowadays, the steadily growing relationship with the People’s Republic of China is one of the priority directions of the foreign policy of the Russian Federation. According to the author of the present paper, new opportunities for active constructive interaction between the countries are provided with the One Belt and One Road Initiative (OBOR or BRI) adopted by China for the purpose of combination of efforts of the states for stable development of economy in the Eurasian space and peaceful co-existence of the people on the basis of the principles of openness, inclusivity of different civilizations, tolerance, safety, mutual benefit and training.

The aim of the paper is to discuss the status and prospects of the Russian-Chinese cooperation in the humanitarian field and search for new narrative for development cooperation.

Methodology and research methods. The research was performed with a support on philosophical and general scientific methods: comparative, structurally functional and system types of analysis, synthesis, generalization, and forecasting.

Results and scientific novelty. The Russian-Chinese recent cooperation was considered. Special attention was given to education communication strategy as one of the reliable and checked channels of establishment and consolidation of international economic relations. The educational component of humanitarian interaction enables to provide effective tools for adjustment and support for the international dialogue and has an extensive range of opportunities for harmonization of cultural, social and even political standards.

It is emphasized that further strengthening of the productive bilateral interaction of the People’s Republic of China and the Russian Federation is prevented by its developed model which is under construction and functions mainly at the level of public authorities. In spite of the fact that the relations between two

countries are on the rise, the potential of the existing model has become exhausted, and it is therefore necessary to search for other ways of future joint collaborative work. Strengthening of partnership requires the transition to multilateral cooperation with other states and mutual participation of Russia and China in the course of overcoming the social and economic imbalance in the zone of their shared interests – the territory of the revived Silk Road. The third countries located along its southern transit corridor, unlike the states of the northern direction, are characterized by the backwardness of economics, high unemployment rate, lack of the fair system of upward mobility, poverty and ignorance of the population, thus promoting the spread of religious extremism and escalation of international conflicts. The author proposed to involve the humanitarian sphere as the mechanism of the start of transcontinental infrastructure projects in order to normalize the social and economic situation in these regions, to overcome socio-cultural barriers and to achieve integration of economics of various states for the sake of their steady growth and effectivization. The coordinated actions of China, Russia and EU countries for the promotion and maintenance of modern models of education can become a decisive factor to stabilize and implement the One Belt and One Road Initiative in problematic regions. In the author's view, partner States should focus on actions for modernization of national education systems and dissemination of scientific worldview, e.g. in the regions of the Northern Silk Road. Otherwise, the South will remain the centre of regularly military conflicts and terrorism financing, whereas the Russian and Chinese companies will continue to spend considerable personnel and financial resources for the safety of the ongoing joint projects.

Practical significance. Materials of the research can be useful as a guide to reconsider the objectives of the Russian-Chinese alliance in the humanitarian sphere and generate new ideas on development and ways of implementation of the international educational programs.

Keywords: Russian-Chinese relations, Initiative “One belt, one road“, Humanitarian cooperation, education.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the five-year research plan of Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture, established by the Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus and Lingnan Normal University (China). The author expresses special gratitude to the anonymous reviewers of this article for the high quality of the comments submitted.

For citation: Smaliakou D. A. The prospects of the Russian-Chinese humanitarian cooperation in framework of “One Belt, One Road” initiative implementation. *The Education and Science Journal*. 2018; 7 (20): 68–87. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-68-89

Китай и Россия в пространстве гуманитарной повестки дня

С целью выработки и продвижения новой модели международного сотрудничества и развития на основе укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур межгосударственных взаимодействий в 2010-е годы Китайская Народная Республика (КНР) выдвинула предложение по объединению проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Инициатива получила название «Один пояс, один путь» (далее – «ОПОП»). В ходе церемонии открытия одноименного международного форума, состоявшегося 14 мая 2017 г. в Пекине, председатель КНР Си Цзиньпин отметил ряд гуманитарных принципов воссоздающегося Великого шелкового пути – мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность разных цивилизаций, толерантность и безопасность, обоюдная выгода и обучение¹. Следование перечисленным максимам особенно актуально на фоне существующих на планете и множасьихся локальных очагов нестабильности, спровоцированных вооруженными конфликтами, наплывом беженцев из «горячих точек» мира, политикой протекционизма, реваншем популизма – словом, проявлениями целого спектра симптоматики неблагополучия, вызванной болезненными инвазиями религиозно-национального экстремизма и терроризма. В этом свете предложенная Китаем инициатива «ОПОП» является попыткой восстановить и сохранить прежний уровень миропорядка, равновесия и прогресса за счет более эффективного использования инструментов международного сотрудничества.

Декларируя выгоды от участия в «ОПОП», китайские и мировые теоретики не раз обращали внимание на то, что успех проекта во многом зависит от скорости сближения культурных и социальных стандартов в странах, присоединившихся к нему, и на то, что одним из базовых условий экономического роста является укрепление взаимопонимания и доверия на евроазиатском континенте². Подобно тому как Шелковый путь в древние времена был глобальным инструментом обмена не только товарами, но и идеями и инновациями, «ОПОП» должен в конечном счете не столько служить исклю-

---

¹ Full text of Xi Jinping's speech at opening of Belt and Road forum. Available from: <https://america.cgtn.com/2017/05/14/full-text-of-president-xis-speech-at-opening-of-belt-and-road-forum> (accessed 06.03.2018)

² Vision And Actions On Jointly Building Silk Road Economic Belt And 21st-Century Maritime Silk Road. Available from: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/qwfb/1084.htm> (accessed 06.03.2018).

чительно транспортным коридором, соединяющим противоположные точки континента, сколько обеспечивать государствам-партнерам открытость в достижении взаимной выгоды. Открытость в данном случае подразумевает готовность к восприятию нового и толерантность к чужому, а прогресс в области политического, экономического и инфраструктурного взаимодействия увязывается с успешным гуманитарным сотрудничеством.

Российские руководители различных уровней, а также некоторые обозреватели и исследователи полагают, что развитие прямых связей между Россией и Китаем на высшем государственном уровне может стать серьезной движущей силой двустороннего сотрудничества. Вместе с тем успехи в политической плоскости нередко становятся причиной излишнего оптимизма по поводу перспектив взаимодействия в других областях. Как показывает практика, представления о том, что политическая синергия является если не единственным, то главным рычагом развития отношений в таких сферах, как экономика, финансы, инвестиции или гуманитарная сфера, могут быть обманчивы [1].

В настоящее время российско-китайские политические контакты хорошо налажены и этот процесс находится на подъеме, внешне действия двух государств на мировой арене глубоко скоординированы, что вносит «важный вклад в дело защиты международного мира и стабильности»¹. Однако стоит заметить, что политический прорыв в российско-китайских отношениях далеко не уникален: в таком же позитивном ключе активно развивается сотрудничество Китая с большинством его партнеров в Евразии и Африке.

Успешная разносторонняя совместная деятельность КНР с США, Японией, Республикой Корея (Хангук) и Тайванем в производственных и финансовых секторах, бизнесе, науке, образовании, культуре и пр. наглядно демонстрирует, что политика далеко не всегда выступает решающим фактором установления конструктивных международных контактов. На этом фоне ресурс государственного управления российско-китайским гуманитарным обменом выглядит практически исчерпанным: Россия и Китай сформировали разветвленную договорно-правовую базу гуманитарного сотрудничества, которой охвачены все уровни органов госуправления, и именно это стало сейчас тормозом для дальнейшего укрепления связей, так как в данном сотрудничестве «неправительственные субъекты исполняют лишь второстепенную и дополнительную роль» [2; с. 76], а значит, лишаются внутренней мотивации для полноценного участия в процессе.

---

¹ Лидер КНР заявил о готовности расширять сотрудничество с Россией [The Chinese Leader Said that Ready to Strengthen Cooperation with Russia] Available from: <https://ria.ru/world/20171231/1512028802.html> (accessed 06.03.2018)

Показательный пример указанного дисбаланса – специфическое российско-китайское гуманитарное сотрудничество КНР и РФ в сфере образования, где приоритетом, судя по доступным информационным источникам, выступает быстрое сближение статистики двух стран (подробнее об этом см. [3]). Например, количество центров русского языка и культуры в Китае идентично количеству институтов Конфуция в России (по 22 у каждой из сторон). Быстрыми темпами стремятся навстречу друг другу кривые графиков академического обмена между двумя государствами с запланированным пересечением в 2020 г.¹

Одновременно наблюдается низкая эффективность реализации двусторонних проектов [4, с. 23]. В области академической мобильности и прямого межвузовского взаимодействия заключено более 900 международных соглашений, однако из осуществленных проектов, как правило, упоминаются лишь совместно созданный университет в г. Шеньжень (КНР) – венец сотрудничества Пекинского политехнического университета и МГУ им. Ломоносова. Объявлены первые наборы студентов в российско-китайские университеты технического профиля на базе СПбПУ и Петербургского государственного университета путей сообщения им. Александра I [4] (данные проекты являются пакетами совместных программ обучения студентов, нежели заявками на самостоятельное направление деятельности или самостоятельными учреждениями). Официально озвучены планы формирования российско-китайских вузовских ассоциаций различного профиля и организации сетевых университетов ШОС и БРИКС, которым еще только предстоит доказать собственную эффективность.

Таким образом, если в случае университета в Шеньжень создано полноценное учреждение, с собственной материальной базой и штатом сотрудников, то перспективы развития остальных проектов остаются весьма туманными.

Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в контексте реализации плана действий в сфере образования в рамках «ОПОП»

В России и КНР на экспертном уровне все чаще озвучивается мнение о том, что гуманитарное сотрудничество должно развиваться исходя из внутренних стимулов и на многосторонней основе.

---

¹ Up to 100 thousand people a year will increase student exchange between the PRC and Russia – Sergei Naryshkin. Available from: <https://www.eastrussia.ru/en/news/do-100-tysyach-chelovek-v-god-uvlichitsya-obmen-studentami-mezhdu-kr-i-rf-sergey-naryshkin/> (accessed 06.03.2018)

Принятый Министерством образования КНР в июле 2016 г. и опубликованный в октябре 2017 г. «План действий в сфере образования в рамках «ОПОП»» (далее – «План действий»)¹ может рассматриваться как намерение китайской стороны учесть указанное мнение экспертов.

В соответствии с содержанием документа предполагается, что, реализуя «ОПОП» в сфере образования, Китай сосредоточится на трех аспектах деятельности:

- развитие и укрепление двухсторонних связей между национальными системами образования;
- интенсификация и углубление сотрудничества в области подготовки талантливой молодежи;
- коллегиальное создание прямых механизмов, обеспечивающих реализацию совместных международных проектов.

Политическим контактам в «Плане действий» отводится роль координирующего инструмента интернационализации образования на территории «ОПОП», в то время как в границах самого Китая предполагается задействовать неполитические инструменты. Например, контакты на государственном уровне будут использованы для развития взаимосвязанности национальных систем образования стран-партнеров, что должно привести к упрощению механизмов реализации академических обменов, а также сопряжению стратегий проводимой образовательной политики. Одновременно КНР планирует облегчить реализацию академических обменов на своей территории – упростить визовые требования и миграционные процедуры, улучшить условия пребывания участников обмена, а также унифицировать подходы ко всем категориям иностранных студентов.

Второе направление реализации «Плана действий» регламентирует вклад Китая в поддержку национальных систем образования на территории реализации инициативы «ОПОП» и анонсирует запуск ряда специальных программ по развитию академических обменов и модернизации систем образования. Однако стоит заметить, что китайское предложение существенно отличается от ставших привычными для России гуманитарных проектов ЕС, например таких, как формирование общеевропейского пространства высшего образования или содействие реформированию систем образования членов ЕС и государств-партнеров. Китай всё еще нередко выступает в качестве национального актора. В этой связи есте-

---

¹ Education Action Plan for the Belt and Road Initiative Available from: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/30277.htm> (accessed 06.03.2018)

ственно, что такие мероприятия, как взаимные поездки руководства вузов, ознакомительные молодежные визиты, студенческие «поезда дружбы», концерты вузовской самодеятельности и прочие элементы продвижения страны на международной арене, составляют основу китайских планов взаимодействия со всеми партнерами, включая Россию, США или страны ЕС [2, с. 74].

Между тем нельзя не признать стремление КНР к более широкому участию в развитии процессов интернационализации образования на пространстве Евразии. Китай обязуется оказывать содействие в создании университетских ассоциаций и консорциумов для объединения усилий по подготовке специалистов в таких областях, как прикладная лингвистика, транспорт, архитектура, медицина, энергетика, природоохранная инженерия, гидротехника, биотехнологии, океанология, экология и охрана культурного наследия. В этой связи в последнее время вузами КНР и РФ был создан ряд университетских ассоциаций различного профиля.

Тем не менее продуктивность деятельности новых образований вызывает сомнения: проекты предлагается реализовывать за счет их внутренних ресурсов, функционал ассоциаций, судя по его декларации, направлен скорее на координацию, чем на созидание, а парадный занавес ставших рутинными протокольных формальных официальных встреч представителей вузовских администраций может долгое время скрывать отсутствие реальной работы на местах.

Нетрудно заметить и разницу между ЕС и КНР в масштабах и объемах выделяемых ресурсов на создание инструментов интернационализации образования. Если Евросоюз уже к началу 2010-х гг. обладал полным набором апробированных программ интернационализации высшей школы, а к настоящему моменту объединил финансовые ресурсы в проекте Erasmus+, нацеленном на поддержку сотрудничества в области образования и профессионального обучения молодежи и имеющем бюджет в размере 14,7 млрд евро на период 2014–2020 гг.¹, то перспективы реализации «Плана действий» за пределами Китая пока представляются расплывчатыми, что обусловлено как неопределенностью механизмов финансирования, так и желанием Китая заменить грантовые инструменты интернационализации высшего профессионального образования менее затратными политическими альтернативами, такими как, например, использова-

---

¹ ERASMUS+. The EU programme for education, training, youth and sport (2014–2020). Available from: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus/files/library/erasmus-plus-factsheet_en.pdf (accessed 06.03.2018)

ние площадок ШОС, АСЕАН, различных экономических коридоров, ассоциаций руководителей вузов и пр.

Вместе с тем «План действий» позиционируется как образец для подражания, иными словами, Китай предполагает, что подобные документы будут разработаны всеми участниками «ОПОП» в условиях тесной координации. Причем общее сопряжение должно осуществляться посредством межгосударственного взаимодействия в рамках работы межправительственных комитетов по сотрудничеству. Всё это указывает на то, что заявленная многосторонность «ОПОП» состоит из объединенных под одним названием двусторонних активностей КНР с каждым из партнеров в отдельности.

В этой связи возникает закономерный вопрос: в чем, собственно, заключается необходимость участия России в «ОПОП», если реализация инициативы не выходит за рамки двусторонней повестки дня?

Переосмысление геополитики Шелкового пути в контексте проблем дестабилизирующих явлений на пространстве «ОПОП»

Ограниченность двусторонней повестки в области российско-китайского гуманитарного сотрудничества достаточно давно фиксируется экспертным сообществом, а призывы перейти к подлинной многосторонности в реализации «ОПОП» слышны все более отчетливо со стороны различных партнеров Китая по всему миру.

Проект «ОПОП» открывает широкое пространство перед КНР и РФ для взаимодействия в третьих странах, в котором в действительности для обеспечения безопасности пока доминируют военно-политические вопросы, а ради их решения перетягиваются ресурсы из других областей международной повестки.

Анализируя планы строительства современного Шелкового пути, нельзя не заметить, что два его основных коридора – сухопутный и морской – образуют два социально-политических блока транзитных стран. Северный путь пролегает в Европу через Россию и Беларусь и представляет собой сухопутный канал перевалки грузов из Китая в ЕС: Китай → Казахстан → Россия → Беларусь → ЕС. Сюда же входит экономический коридор «Китай – Монголия – Россия», основная нагрузка последнего рассчитана на сырьевое взаимодействие. В целом регион Северного Шелкового пути довольно устойчив в социально-политическом плане, имеет развитую систему образования, однако не лишен ряда экономических и демографических проблем.

В противоположность Северному пути Южный шелковый путь пролегал в регионах с низким уровнем социально-политической стабильности: на отдельных участках продолжаются гражданские конфликты, остается высоким уровень террористической угрозы, а финансирование силового блока многократно превосходит все другие статьи бюджетных расходов. Вместе с тем страны Южного Шелкового пути лишены серьезных демографических проблем и благодаря географическому расположению (длине береговой линии) имеют серьезный экономический потенциал. В Южный шелковый путь входят как сухопутные экономические коридоры (Китай → Пакистан и Бангладеш → Китай → Индия → Мьянма), так и морское транспортное сообщение (страны АСЕАН, Ближний Восток и восточная Африка).

Между северным и южным коридорами образуется большое пространство проблемных государств. Это постсоветские республики Центральной Азии, пораженные гражданской войной государства (Афганистан, Сирия, Ирак), страны, находящиеся в состоянии замороженного конфликта (Пакистан и Индия, Иран и Саудовская Аравия), нестабильный регион Юго-Восточной Азии. С южной стороны примыкает раздираемая нищетой и военными действиями Восточная Африка (Сомали, Судан, Эфиопия, Египет).

В случае развертывания «ОПОП» на полную мощность в дополнение к инфраструктурным проектам КНР будет вынуждена привлекать собственные кадры для обеспечения их функционирования и безопасности, как это делает теперь Россия в Сирии или Курдистане. В то же время стабилизация региона является одним из приоритетов реализации «ОПОП», а значит, может обеспечить пространство для прямого российско-китайского взаимодействия. В этих условиях важно не заикливаться на силовых методах решения вопроса, а изыскать ресурсы на гуманитарное сотрудничество, локомотивом которого является образование.

Внимание России в настоящее время направлено, прежде всего, на Центральную Азию, где Китай тоже постепенно наращивает влияние. Выстроенная в этом регионе в период существования СССР система образования последние 20 лет постепенно приходила в упадок и разрушалась. В связи с экономическим кризисом среднеазиатские республики существенно уменьшили финансирование гуманитарной сферы, а проблемы с безопасностью и криминальной обстановкой заметно усилили отток конкурентоспособных кадров. В конечном счете это привело к существенному снижению уровня образования в регионе, вернулись традиционные проблемы половой сегрегации и равнодоступности образования [5].

Страны региона в последние годы превратились в «поставщиков» иностранных студентов для более развитых государств и в первую очередь для России. Одновременно расцвела пышным цветом нелегальная, теневая экономика, которая требовала существенно иных подходов к подготовке кадров. Коррупция и отсутствие прозрачности в государственном секторе в совокупности с привлечением неоплачиваемого труда педагогов и учащихся, в частности для сельскохозяйственных работ, окончательно подорвали авторитет образования. Непрозрачные инструменты повышения благосостояния среди местного населения стали более востребованы, нежели социальные гарантии, предлагаемые системой образования.

Мультипликативный эффект от схлопывания системы образования в рассматриваемом регионе в сочетании с высоким уровнем безработицы и отсутствием справедливой системы социальных лифтов привели к существенному росту религиозного экстремизма и возобновлению старых межнациональных конфликтов [6]. В некоторых странах, таких как, например, Туркменистан, государство попыталось заполнить образовательную нишу одиозной идеологией, что в свою очередь также повлекло негативные последствия для системы образования [7].

Ряд широкомасштабных исследований ЮНИСЕФ подтверждает, что сама по себе система образования не может выступать источником военных действий, «однако при определенных условиях она способна нагнетать недовольство более широкого характера, усиливать социальную напряженность, усугублять неравенство, что подталкивает общество к насильственному конфликту» [8, с. 169]. Вместе с тем развал образовательной системы ведет к ускоренной деградации государства, способствует развитию экстремизма, стимулирует нелегальные и извращенные формы бизнеса. Так, в Пакистане богатые промышленники спонсируют религиозные школы «Медресе», транслирующие неоднозначные взгляды на развитие страны. В условиях массовой бедности терроризм становится своеобразной формой бизнеса, поддерживаемого зарубежными и местными инвесторами, а религиозные школы, лишённые научного знания, превращаются в учреждения подготовки террористических кадров [9, 10].

Если в предыдущее времена в регионе Южного шелкового пути на первом месте была задача максимального охвата населения базовым образованием, то теперь наиболее острой является проблема содержания (смыслового наполнения) образования как школьного, так и высшего, университетского. Нужно признать, что корреляция между масштабом охвата базовым образованием населения и развитием дестабилизирующих, экстремистских и террористических инвазий научно не доказана,

равно как и наличие взаимовлияния срока обучения и уменьшения числа актов насилия [8, с. 142]. Важность начальной (базовой) ступени школы состоит в первую очередь в том, что она предоставляет человеку основные инструменты для существования в современном мире, однако базовое образование могут предлагать учебные заведения с извращенной идеологией, которая направлена на разжигание межнациональной и религиозной розни, насаждающие «знания», основанные не на научно подтвержденных фактах, но зачастую на предубеждениях и невежестве. В итоге «вместо того, чтобы воспитывать молодые умы, обучая их критическому мышлению в духе терпимости и взаимопонимания, их отравляют предубеждениями, нетерпимостью и искаженными взглядами на историю, такая школа может стать рассадником насилия» [8, с. 170].

Вопросы качественного, рационального и действительно необходимого содержания образования становятся одними из наиболее острых в гуманитарной повестке дня наряду с кадровыми проблемами и равнодоступностью образования. Например, страны Юго-Восточной Азии, демонстрируя серьезный экономический рост вкупе с ускорением темпов урбанизации, на протяжении достаточно долгого периода не могут преодолеть диспропорцию количества и качества школ в городах и сельской местности, причиной чего являются как плохая подготовка учителей, так и низкое качество учебно-методического материала [11].

Имеют место и социально-культурные проблемы – низкий уровень уважения к образованным людям и к науке как институту в целом. Зачастую, с точки зрения молодых людей, проживающих в рассматриваемом регионе, бандитизм, терроризм или наркоторговля предоставляют более очевидные социальные лифты, нежели система образования. У населения вырабатываются определенные навыки выживания в сложившихся обстоятельствах, обусловленных неблагоприятной социальной средой, что порождает у детей и их родителей враждебное отношение к государственным школам как к угрозе бытующим «традиционным ценностям». Нередко в ситуации крайней бедности и бандитского произвола предубеждения становятся действенным мировоззрением, чему способствуют местные криминальные и религиозные организации, открывающие собственные школы, насаждающие «открытые или явные предубеждения в отношении определенных социальных групп» [8, с. 205].

Равно как экономические проблемы могут стать пусковыми механизмами дестабилизации, так и образование с сложными ценностными ориентирами и завуалированными экстремистскими посланиями может

создать идеологическую и мировоззренческую основу для деструктивной активности.

Очевидная взаимообусловленность уровня социального и экономического развития, конъюнктуры рынка труда и состояния системы образования указывает на необходимость учета всех этих факторов при решении вопросов, касающихся достижения стабильности на пространстве Южного шелкового пути. Выпадение из поля зрения одной из составляющих благополучного существования отдельных стран и региона в целом способно свести на нет все усилия, приложенные в другой области. В этой связи симптоматичным является положение, сложившееся в арабских государствах, которые справились с безграмотностью населения, однако не получили при этом конкурентных преимуществ на современном рынке труда [12]. Выбирая между экстремизмом и мирной жизнью, люди склонны взвешивать свои возможности для извлечения дохода [13], поэтому перспективы безработицы, особенно среди образованных молодых людей, чреватой материально-финансовой уязвимостью, могут выступать стимулами (и в реальности выступают в качестве таковых) религиозной или политической радикализации.

Показательным примером негативных последствий отсутствия продуманной образовательной политики является вовлечение молодежи в вооруженные конфликты в ряде стран Восточной Африки [8, с. 211]. Крайняя бедность и низкий уровень социально-экономических отношений на фоне этнической и религиозной нетерпимости, проявлений ритуальной жестокости существенно подрывают в обществе доверие к светскому образованию и научному знанию. С одной стороны, африканские участники «ОПОП», стремясь преодолеть тотальную безграмотность и пытаясь максимально охватить население базовым образованием, уменьшают количество финансирования на душу населения, что неминуемо снижает качество просвещения [14]. С другой стороны, главной статьей бюджета многих африканских и арабских государств являются расходы на силовой блок, что в случае разгорающегося конфликта мгновенно обескровливает гуманитарную сферу. В этих условиях упускается из виду центральная, основополагающая задача образования – формирование у молодежи научного мировоззрения и гуманистических ценностей. В лучшем случае эту «педагогическую нишу» занимают необразованные старшие члены семьи, в худшем – радикальные религиозные и криминальные организации. Отдав мировоззрение новых поколений на откуп деструктивным элементам, государства «оказываются вовлеченными в самоусиливающийся цикл насилия, нищеты и образовательной обездоленности» [8, с. 169].

Столь неутешительную картину в гуманитарной сфере на пространстве Южного шелкового пути нужно дополнить еще одной деталью. Данный регион является активным поставщиком иностранных студентов для университетов и колледжей Китая, России и ЕС. При этом в модернизационные программы ЕС государства региона вовлечены слабо, а помощь, которую им оказывает Всемирный банк, направлена скорее на системные, нежели на содержательные элементы образования. Вымывание наиболее талантливой молодежи наряду с усугубляющимися проблемами на рынке труда делают уязвимыми системы образования указанных стран перед негативным воздействием богатых миссионеров, в первую очередь с Ближнего Востока. А приоритет военных расходов в бюджетах государств Южного шелкового пути ставит под сомнение возможность их самостоятельного выхода из кризиса.

В совместном заявлении России и Китая «О текущей ситуации в мире и важных международных проблемах» подчеркивается, что «несмотря на рост нестабильности и непредсказуемости текущей международной ситуации, приоритетами нашей эпохи остаются мирное сосуществование и устойчивое развитие». Обе страны призывают «продвигать взаимовыгодное сотрудничество в контексте формирования международных отношений, основанных на солидарности и общности интересов всего человечества»¹, что подразумевает в конечном счете совместное оказание помощи менее успешным странам.

Новая повестка дня для гуманитарного сотрудничества

Не секрет, что инфраструктурные преобразования в условиях плохо развитой системы образования в слабых в экономическом отношении странах работают на поддержание колониальных перегибов с раздуваемыми расходами на безопасность. При реализации международных проектов, тем более таких мегапроектов, как «ОПОП», проблемы в сфере образования вынуждают иностранные компании опираться преимущественно на зарубежные кадры, чему сопутствуют меры по обеспечению определенной изоляции объектов от окружающей среды, в том числе с помощью коррупционных инструментов.

---

¹ Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах». [China and Russia published joint statement about the world situation and important international problems]. Available from: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/bilateral/37248.htm> (accessed 06.03.2018)

В настоящее время глобальные игроки мирового рынка вынуждены вкладывать существенные ресурсы в безопасность проектов в Ливии, Ираке, Сирии, Пакистане, на территории Курдистана и Афганистана, а также привлекать иностранную рабочую силу в данные регионы [15].

Проблемы безопасности не решены полностью и внутри России (на Северном Кавказе), и внутри Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район).

В такой ситуации РФ и КНР могут возложить на себя общую миссию в пространстве гуманитарного взаимодействия, которая заключается не только в модернизации национальных систем образования стран «ОПОП», но и в большей по объему, финансовым вливаниям и трудозатратам работе в области содержания образования. Сотрудничество в этом направлении следует осуществлять по всему спектру научных отраслей – как естественных, так и гуманитарных, а приоритетом совместной деятельности должно стать формирование научного мировоззрения подрастающих поколений. Важно, чтобы в сознании молодежи утвердилось убеждение в том, что существуют естественные, а не сверхъестественные формы улучшения материального благосостояния и что научное знание может быть использовано на благо как всего человечества, так и отдельно взятого индивида.

В поисках ответа на вызовы времени нужно осознавать, что стабилизация южных регионов «ОПОП» – это комплекс мероприятий, где развитие системы образования должно происходить параллельно с инфраструктурными и социальными преобразованиями, а также деятельностью по обеспечению безопасности территорий.

Афганский опыт свидетельствует: чтобы школы начали приносить эффект социально-экономической и гуманитарной стабилизации региона, требуется не только увеличение количества учебных заведений, но и соблюдение принципа обязательности образования.

Школьные учреждения необходимо снабдить современными учебниками, лишенными искаженной информации и религиозных и национальных предрассудков, а учителя должны пройти повышение квалификации в целях недопущения трансляции деструктивной идеологии и экстремистских подстрекательств учащихся [16].

Наряду с обеспечением безопасности следует провести реформирование социально-экономического уклада проблемных регионов, с тем чтобы полученные в школе или университете знания в дальнейшем были востребованы выпускниками для улучшения общего и их частного благосостояния.

Добиваясь сопряжения экономик различных государств ради повышения их эффективности, участникам «ОПОП» надлежит задействовать гуманитарную сферу как механизм, запускающий трансконтинентальные

инфраструктурные проекты. Объединенные усилия по продвижению современных моделей образования и совместные скоординированные действия Китая, России и стран ЕС как основных игроков образовательного рынка Евразии могут стать решающим фактором стабилизации пространства Южного шелкового пути. В области гуманитарного сотрудничества северный и южный коридоры обретают поле для взаимодействия, а значит, и для установления более тесных связей между собой. Северный путь может стать мировоззренческим донором Южного пути, а поскольку научное мировоззрение нейтрально в отношении экономических различий, существующих между современными государствами, оно способно если не примирить социалистическую и капиталистическую модели экономики, то, по крайней мере, безболезненно обойти неудобные «углы» идеологических различий и нивелировать культурологические особенности различных регионов. Например, наработки советско-российской философии могут вполне сопрягаться с китайскими принципами научного развития. При этом Россия и Китай получают не только общее пространство для научного взаимообогащения, но и контекст для культурного и мировоззренческого сближения.

Таким образом, РФ и КНР в рамках «ОПОП» сообща могут работать на общие цели. С одной стороны, это стабилизация южных регионов, подразумевающая параллельное инфраструктурное и социальное развитие; с другой стороны, встраивание густонаселенных районов Евразии в новую экономику знания, пусть даже пока только в формате его потребления. В противном случае Юг сохранит статус поставщика террористов, в то время как российские и китайские компании продолжают тратить немалые ресурсы на кадровое обеспечение и безопасность реализуемых совместных проектов.

В случае максимального использования многостороннего формата «ОПОП» регионы Южного шелкового пути получат существенное улучшение уровня жизни населения, экологическую и социальную устойчивость, что положительно скажется на социально-экономическом развитии как западной части Китая, так и Северного шелкового пути в целом, для которых Юг является весьма привлекательным с точки зрения большого потребительского рынка и дополнительного резерва трудовых ресурсов.

Следует признать, что и Россия, и Китай относятся с изрядной долей опасения к необходимости вложения средств в трансграничные гуманитарные проекты, тем более ориентированные на выравнивание ситуации в третьих странах. Однако 30-летний опыт ЕС по организации подобных программ свидетельствует об их эффективности. Успешность гу-

манитарных начинаний во многом зависит от способности российской стороны убедить китайских партнеров более щедро и либерально подходить к реализации инициативы «ОПОП», в свою очередь Россия тоже должна обозначить готовность к переходу от двусторонней повестки дня к действительной многосторонности сотрудничества.

Заключение

В настоящее время модель российско-китайских отношений, которая строится и функционирует преимущественно на уровне государственных органов, задействована максимально и потенциал ее исчерпан, что означает необходимость поиска иных драйверов двустороннего сотрудничества. Претворение в жизнь мегапроекта «ОПОП» представляется перспективным форматом для активизации конструктивного взаимодействия между странами, а достижение глобальных целей, обозначенных в концепции воссоздания Великого шелкового пути, требует нетривиальных, свежих решений, причем не только на высшем, но и на всех остальных, в том числе низовых, уровнях.

Масштабное пространство для совместной разносторонней деятельности России и Китая открывается через создание взаимоувязанной социально-экономической инфраструктуры, расширение торговли и укрепление мира между народами в третьих странах, что соответствует как экономическим интересам государств-партнеров, так и декларируемым в инициативе «ОПОП» намерениям. Гуманитарные контакты в этих процессах – далеко не второстепенное звено. Они могут служить важным фактором успешной реализации многочисленных инфраструктурных, экономических, финансовых и других проектов, особенно и прежде всего в регионах Южного шелкового пути – территориях, где обстановка характеризуется высокими рисками в плане безопасности и нуждается в существенной стабилизации.

Чтобы стабилизировать ситуацию в странах-участниках «ОПОП» и добиться их устойчивого социально-экономического развития, российским и китайским партнерам нужно переключиться на многостороннюю повестку совместной работы в третьих странах, уделяя особое внимание гуманитарной сфере сотрудничества. Анонсированные Китаем социально-политические, экономические и технологические изменения на пространстве «ОПОП» не могут осуществиться без модернизации образования, основной задачей которого должно стать формирование научного мировоззрения у новых поколений.

Образовательная составляющая гуманитарного взаимодействия – надежный, проверенный и эффективный механизм установления, регули-

рования и развития региональных, межнациональных и экономических связей. Система образования способна предоставить действенный инструментарий для обеспечения международного диалога и располагает обширным спектром возможностей для гармонизации культурных, социальных и даже политических стандартов.

Интенсифицируя и укрепляя гуманитарные контакты между северным и южным коридорами, следует учитывать, что решить социально-экономические проблемы сложно (или вообще невозможно), если рассчитывать исключительно на увеличение численности подготовленных на территории России, Китая и стран ЕС зарубежных специалистов с последующим возвращением их на родину. Развитие открытости на континенте, достижение высокого уровня устойчивости слабых в настоящий момент экономик и приобретение ими способности к самостоятельному воспроизводству подразумевают комплекс многосторонних мероприятий, включающий весомые финансовые и интеллектуальные затраты. Думается, целесообразно задействовать на пространстве «ОПОП» инструмент грантового финансирования проектов гуманитарного взаимодействия, а вузовские ассоциации могли бы стать главными субъектами реализации таких проектов.

Список использованных источников

1. Rudy K. Belarus – China: channels of investment cooperation // *Belarusian Economic Journal*. 2016. № 2. P. 15–30.
2. Лузянин С. Г., Чжао Х. и др. Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД, 2017. 167 с.
3. Borevskaya N. E. (Lead Author) et al. Internationalization of Russian Universities: The Chinese Vector / editor-in-chief I. S. Ivanov; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: Spetskniga, 2014. 68 p.
4. Яценко Е. Б. Анализ состояния и перспектив развития сотрудничества России и Китая в области образования в рамках государственных усилий и университетских инициатив // *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 12 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2017/12/24720> (accessed 06.03.2018)
5. Current education issues in Central Asia. A background paper from the Conflict Prevention Centre. Available from: <https://www.osce.org/cpc/39626?download=true> (accessed 06.03.2018).
6. Бабаин А. В. Религиозно-идеологические предпосылки радикализации ислама в Центральной Азии после распада СССР [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/religiozno-ideologicheskie-predposylki-radikalizatsii-islama-v-tsentralnoy-azii-posle-raspada-sssr> (accessed 06.03.2018).

7. Литвинова Е. В. Развитие системы образования в Республике Туркменистан // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2014. Т. 8, № 4. С. 85–93. DOI: 10.12737/6479

8. Скрытый кризис: вооруженные конфликты и образование. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://webarchive.unesco.org/frame/20170127205921/>; <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001907/190743r.pdf> (accessed 06.03.2018)

9. Stern J. Pakistan's Jihad Culture. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2000-11-01/pakistans-jihad-culture> (accessed 06.03.2018)

10. Kreuger A. B., Maleckova J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // Journal of Economic Perspectives. 2003. № 17 (4). P. 119–144.

11. Sadiman A. S. Challenges in Education in Southeast Asia. 2004. Available from: <http://www.seameo.org/VL/library/dlwelcome/publications/paper/india04.htm> (accessed 06.03.2018).

12. Dhillon N., Yousef T. (eds.) Generation in Waiting: The Unfulfilled Promise of Young People in the Middle East. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2009.

13. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56, № 4. P. 563–95.

14. Mazonde I. N. Culture and education in development of Africa. Available from: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/IDEP/UNPAN003347.pdf> (accessed 06.03.2018)

15. Weak and Failing States: Evolving Security Threats and U. S. Policy. Available from: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34253.pdf> (accessed 06.03.2018)

16. Lessons learned from stabilization initiatives in Afghanistan: a systematic review of existing research. Available from: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/jns/files/rand_wr1191.pdf (accessed 06.03.2018)

References

1. Rudy K. Belarus – China: channels of investment cooperation. *Belarusian Economic Journal*. 2016; 2: 15–30.

2. Luzyanin S. G., Zhao X., et al. Rossiysko-kitaysky dialog: model' 2017: doklad № 33/2017 = Russian-Chinese dialogue: model 2017: report № 33/2017. Moscow: Russian International Affairs Council (RIAC); 2017. 167 p. (In Russ.)

3. Borevskaya N. E. (Lead Author), et al. Internationalization of Russian Universities: The Chinese Vector. Editor-in-Chief I. S. Ivanov; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: Spetskniga; 2014. 68 p.

4. Yatsenko E. B. Analiz sostoyaniya i perspektiv razvitiya sotrudnichestva Rossii i Kitaya oblasti obrazovaniya v ramkakh gosudarstvennykh usily i universitetskikh initsiativ = Analysis of status and prospects of cooperation development between Russia and China in sphere of education in the framework of governmental affords and university initiatives [Internet]. 2017 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <http://human.snauka.ru/2017/12/24720> (In Russ.)

5. Current education issues in Central Asia. A background paper from the Conflict Prevention Centre [Internet]. 2003 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <https://www.osce.org/cpc/39626?download=true>

6. Babain A. V. Religious and ideological background of Islamic radicalization in Central Asia after the collapse of the USSR [Internet]. 2017 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/religiozno-ideologicheskie-predposylki-radikalizatsii-islama-v-tsentralnoy-azii-posle-raspada-sssr> (In Russ.)

7. Litvinova E. V. The development of education system in Republic of Turkmenistan. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa = Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 2014; 8 (4): 85–93. DOI: 10.12737/6479 (In Russ.)

8. Skrytyj krizis: vooruzhennyye konflikty i obrazovanie. Vsemirnyj doklad po monitoringu ODV = The hidden crisis: Armed conflict and education. Education for All Global Monitoring Report 2011 [Internet]. 2011 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <http://webarchive.unesco.org/frame/20170127205921>; <http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001907/190743r.pdf> (In Russ.)

9. Stern J. Pakistan's Jihad culture [Internet]. 2000 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2000-11-01/pakistans-jihad-culture>

10. Kreuger A. B., Maleckova J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? *Journal of Economic Perspectives*. 2003; 17 (4): 119–144.

11. Sadiman A. S. Challenges in Education in Southeast Asia [Internet]. 2004 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <http://www.seameo.org/VL/library/dlwelcome/publications/paper/india04.htm>

12. Dhillon N., Yousef T. (eds.) Generation in waiting: The unfulfilled promise of young people in the Middle East. Washington, DC: Brookings Institution Press; 2009.

13. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war. *Oxford Economic Papers*. 2004; 56 (4): 563–95.

14. Mazonde I. N. Culture and education in development of Africa [Internet]. 1995 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/IDEP/UNPAN003347.pdf>

15. Weak and Failing States: Evolving Security Threats and U. S. Policy. 2008 [cited 2018 Mar 06]. Available from: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34253.pdf>

16. Lessons learned from stabilization initiatives in Afghanistan: A systematic review of existing research [Internet]. 2017 [cited 2018 Mar 06]. Available from: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/jns/files/rand_wr1191.pdf

Информация об авторе:

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии Национальной академии наук Беларуси; ORCID ID: 0000-0002-9676-9628, acamedia.edu: <https://nasb-by.academia.edu/DzmitrySmaliakou>; Минск, Республика Бела-

реть. Работа подготовлена на базе Белорусско-китайского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета, КНР. E-mail: d.smaliakou@live.com

Статья поступила в редакцию 19.05.2018; принята в печать 15.08.2018. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dzmitry A. Smaliakou – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Center for Globalization, Integration and Socio-Cultural Cooperation, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus; ORCID ID: 0000-0002-9676-9628, scopus.com/authid/detail.url?https://nasb-by.academia.edu/DzmitrySmaliakou; Minsk, Republic of Belarus. The work was prepared in Sino-Belarusian Research Center for Philosophy and Culture at Lingnan Normal University, Zhangjia, China. E-mail: d.smaliakou@live.com

Received 19.05.2018; accepted for publication 15.08.2018.

The author has read and approved the final manuscript.